

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Аленький цветочек
для чудовища

Дарья Александровна Калинина
Аленький цветочек
для чудовища
Серия «Иронический
детектив Дарьи Калининой»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51790636
Дарья Калинина Аленький цветочек для чудовища:
ISBN 978-5-04-110809-0

Аннотация

Полина не очень-то любила изнурять себя на цветочных плантациях, как она в шутку называла целую комнату фиалок, оставшуюся после смерти бабушки. Ей было некогда ими заниматься, а сестра Вера съехала с катушек – познакомилась с неким Учителем, который заставляет ее следовать всем канонам и постам. Полина свою сестру уже не узнавала, а та ничего и слышать не хотела. И в один далеко не прекрасный день Вера просто исчезла из дома! А вскоре в их квартире кто-то устроил настоящий погром, и все фиалки были безнадежно испорчены...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	60
Глава 5	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Дарья Калинина

Аленький цветочек

для чудовища

Серия «Иронический детектив Дарьи Калининой»

Оформление серии В. Щербакова

Редактор серии А. Антонова

Иллюстрация на обложке В. Остапенко

© Калинина Д. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

Фиалки, фиалки, фиалки! Длинные ряды стаканчиков с растениями тянулись вдоль ярко освещенных лампами стеллажей. Полина выпрямила спину и оглядела фронт своих сегодняшних работ. Ну, что тут сказать! Взгляд радовался. Фиалок было много, целое море цветов самых разных окрасок, форм и сортов. Были тут и стандартных размеров, которые так и назывались, стандарты, были крошечные, или мини, имелись также ампельные, так называемые трейлеры, способные цвести целым каскадом крошечных разноцветных цветочков.

Сейчас коллекция насчитывала свыше пяти сотен сортов. Раньше было больше. Но за последние полгода ее удалось сократить до пяти сотен. Но и этого, на взгляд Полины, было слишком много. Ведь пять сотен – это были только маточные растения. А помимо них имелись еще укорененные листики, крошечные детки, детки уже подростки и готовые к зажити своей собственной самостоятельной жизнью стартера – растения, собирающегося заложить свой первый в жизни цветок. Все они предназначались на продажу, должны были найти своих новых любящих и заботливых хозяев.

Вообще-то, фиалками занималась Вера – старшая сестра Полины, которая и унаследовала этот бизнес от их мамы, а мама, в свою очередь, от бабушки. Бабушка же всегда утверждала, что выжить в жуткие голодные девяностые годы их семье помогли исключительно фиалки. Эти крошечные цветочки цвели изо всех сил, радовали глаз, и люди их охотно покупали, чтобы принести домой в свои семьи вместе с этим жизнерадостным цветком немножко тепла и надежды. А чем лучше становилась жизнь в стране, тем охотнее покупали люди цветы и тем успешней шел у бабушки ее цветочный бизнес.

Вот только не нужно думать, что он не требовал хлопот. Требовал, и еще каких! Тут и неусыпный контроль над качеством зеленых саженцев, почвы и воды, борьба с вредителями и болезнями, с темным временем года, повышенной температурой от включенных зимой батарей. И столько еще всего разного! Да взять хотя бы тот же полив. Пусть фиалки стояли на фитильках – длинных ниточках, по которым из емкости с питательным раствором поднималась к их корням живительная влага, но все равно хоть раз в неделю надо было в эти емкости заглядывать. Недолив был для нежных фиалочек так же губителен, как и перелив. И вот сегодня была очередь Полины поливать плантации. И она поливала их с семи утра, а сейчас часы показывали уже без четверти десять.

И Полине казалось, что справилась она очень даже неплохо.

– Сам себя не похвалишь, ходишь, как оплеванный, – произнесла вслух Полина и тут же себя от души похвалила: – Какая же ты молодец, Полиночка! Справилась сегодня на пятнадцать минут быстрее, чем обычно. Растешь над самой собой!

Фиалки тоже выглядели довольными. Полина добавила в воду немножко жидкого минерального удобрения, хотя в холодное время года кормить растения не полагалось. Сестра считала, что поздней осенью фиалки должны отдыхать, жить на голодном пайке и с минимальным освещением, не дольше десяти часов в день.

– Во-первых, экономия средств. Во-вторых, им же самим польза, отдохнут, потом с новыми силами будут лучше цвести.

Но Полина жалела свои растюшки, баловала их иногда вкусненьким. Сестра может поститься, сколько ей влезет, у нее, наверное, грехов много, вот и замаливает. А маленькие фиалки, чем они в своей жизни нагрешили, чтобы каяться в них во время постов? И Полина тайком подкармливала фиалки полным комплексным удобрением, а потом с улыбкой слушала, как сестра рассказывает всем подряд, как замечательно чувствуют себя фиалочки исключительно на святой крещенской воде и ее – Вериных – молитвах.

Вообще, с сестрой в последнее время творилось явно что-то совсем неладное. Она перестала уделять время фиалкам, зато зачастила в церковь, которую раньше посещала лишь от

случая к случаю. Да еще теперь Вера ходила не в ближайшую к их дому церковь во имя святителя Николая, а в какую-то расположенную очень далеко, на другом конце города. И Полину сестра с собой никогда не брала.

– Мала ты еще!

А как мала, если Полина уже закончила одиннадцать классов, успешно сдала экзамены и теперь училась в музыкальном педагогическом училище. Сколько же ей должно было стукнуть, чтобы можно было ходить с сестрой в ее храм?

И Полина пыталась вразумить Веру:

– Даже совсем крохотных детишек их родители на руках приносят в церковь. Нелогично выходит, им можно, а мне с тобой нет?

– Вот и иди в обычную церковь. А со мной нельзя.

– Обычную? А ты, значит, ходишь в необычную?

Но Вера лишь отмалчивалась. Зато теперь она приносила с собой тюки с какой-то печатной продукцией. Но запакованы они были так туго, что Полине ни разу не удалось вытянуть из тюка хоть самую тоненькую брошюрку. Одеваться сестра тоже стала странно. Зачем-то нацепила черный платок, длинную до пят юбку и наглухо закрытую кофту. А ведь даже после смерти бабушки Вера отказалась носить траур. Тогда сестра бегала в бриджах, плотно облегающих ее попку, коротеньких топиках, а в пупке у нее поблескивал пирсинг. И где теперь тот пирсинг? Не отыщешь его в складках черной материи, в которую Вера задрапировалась по требо-

ванию Учителя.

Вот именно так, с большой буквы. Имени его Вера не произносила. Он был Учитель, и все. И надо сказать, что этот человек интересовал Полину чрезвычайно. Но кто он такой, она понять так и не смогла, хотя теперь Вера упоминала этого человека постоянно. Учитель сказал то, Учитель велел это. Все поручения Учителя воспринимались Верой, как прямое указание свыше.

– Покорность – первая добродетель, – поучала она сестру. – Даже если ты видишь, что наставник твой не прав, смирись, и будет это смирение тебе во благо и искупление.

И постепенно Полина, еще не видя этого Учителя, возненавидела его. А как ей было к нему относиться, если он научил Веру вынести из дома телевизор, ноутбук, планшет и даже свой новенький смартфон уговорил отдать ему. Но и на этом Учитель не остановился, затем ему понадобился смартфон Полины. И Вера забрала его у сестры. Вере взамен выдали старенький кнопочный аппарат, который, по словам Учителя, был вполне пригоден для скорейшего просветления Вериней души. А Полине и такого не выдали, Вера сказала, что сестре нужно больше думать о душе и меньше сидеть в социальных сетях.

Есть и пить сестрам теперь позволялось лишь самую простую пищу, лучше всего хлеб и воду, основу всего сущего. И любящая вкусно покушать, но добрая от природы Полина теперь стеснялась есть при сестре свои любимые булочки

со взбитыми сливками и трубочки с заварным кремом. Приходилось лакомиться ими вне стен родного дома. А Полина раньше так любила по вечерам забраться под одеяло, взять себе парочку вкусненьких бутербродиков, шоколадную конфету, пирожное и запить все это хорошей чашкой горячего пуэра. Но все эти вкусности отныне в доме были под запретом. Нет, Вера ничего не говорила сестре, но она так страдальчески вздыхала и с такой жалостью смотрела на сестру, словно та у нее на глазах уже корчилась в адском огне. И у Полины кусок колбасы сам собой падал изо рта. А на конфеты ей и смотреть не хотелось.

Единственное, что она могла, так это канючить:

– Почему мы с тобой должны так жить?

– Во искупление грехов.

– Какое еще искупление? Что ты такого могла натворить, чтобы так себя истязать?

Про искупление сестра теперь твердила постоянно. И не только в разговорах с Полиной, но и с другими людьми тоже. Добилась она лишь того, что от нее стали шарахаться даже соседи, знавшие сестер с малолетства. А вот родители, казалось, ничего плохого не замечали. Может быть, потому, что видели сестер теперь лишь по скайпу? Мама с папой были учеными-химиками. И в этом году им сказочно повезло. Они получили долгожданные средства на свои исследования, но лаборатория, где их соглашались принять, находилась на Дальнем Востоке. Родители спросили совета у сестер.

Поехать им или остаться?

И Вера, которая на тот момент еще не познакомилась с Учителем, сказала:

– О чем тут думать? Такой шанс выпадает раз в жизни. Вы же об этом мечтали. Так вперед! Навстречу мечте!

– А вы? Как же вы?

– А что мы? Мы обе уже взрослые. Не пропадем.

– Так-то оно так, – засомневалась мама. – Но все-таки...

Сомневалась она еще где-то дня три, а потом родители оповестили дочерей о принятом ими судьбоносном решении. Они едут! Услышав это, Полина ощутила какой-то холодок под ложечкой. Теперь она понимала, что этот холодок был предвестником того кошмара, который навалился на нее после знакомства сестры с этим ее Учителем. Родители уехали в августе, а уже в сентябре с Верой стали происходить первые изменения. Вначале они не были такими уж катастрофичными, но время шло, и Вера все глубже увязала в этих своих новых отношениях с Учителем.

Полина пыталась рассказать родителям, что с сестрой творится неладное, но папа с мамой были так увлечены своим делом! Им так все нравилось на их новом месте, что они ни о чем другом и думать не могли. Они почти не слушали дочерей. Наверное, если бы Вера принялась расхаживать перед ними с выкрашенными в ярко-синий цвет волосами и татуировкой в половину лица, они бы встревожились. Но тут...

– Девочка не пьет, не курит, по ночам на тусовки не тас-

кается.

– Одевается подчеркнуто скромно.

– Что же тут плохого?

Родители были даже довольны, что Вера стала такой серьезной. Больше того, они ставили Веру в пример Полине! Сама Полина, по мнению родителей, была легкомысленной. Кроме того, они считали, что Полина слишком много времени посвящает дружеским посиделкам в кафе и тусовкам с друзьями. И все это идет в ущерб ее учебе. Но это же было не так! Ну, то есть не совсем так.

От этих мыслей Полину отвлек звонок телефона. Она даже не сразу поняла, что за звук раздается в квартире, слишком давно не звонил этот аппарат, и Полина успела отвыкнуть от его звонка. Это был их домашний аппарат, от которого мама перед своим отъездом, замороженная сборами, попросту забыла отказаться. А у двух сестер, хотя они были и не против отказаться от лишних расходов, отказ в телефонной компании не принимали, мотивируя это тем, что номер был зарегистрирован на маму. И значит, только мама и могла от номера отказаться.

Обычно этот аппарат молчал. Если по нему и звонили, то люди ненужные – рекламщики, представители всевозможных компаний. И сейчас Полина сняла трубку чисто машинально, готовясь послать звонившего по известному адресу.

Но вдруг услышала далекий от официального, очень взволнованный голос, который произнес:

– Простите, могу я поговорить с кем-нибудь из близких Веры Ревнивцевой?

У Полины сердце так и захолонуло. С Верой что-то случилось! Упала на улице! Попала под машину! Оказалась в больнице! В морге! На том свете!

– Да, – осипшим внезапно голосом произнесла она. – Можете.

– Скажите, что с Верой? – спросили в трубке. – Мы все за нее волнуемся. Она уже вторую неделю не появляется на работе. Телефон ее все время выключен. Она... в порядке?

Так это звонят с Вериной работы! Хотят узнать, не больна ли Вера. Какое облегчение! Нет, Вера не больна. Она здорова! Но тут же новая волна страха окутала Полину с ног до головы. Что происходит? Почему Вера не ходит на работу? Сестра работает музыкальным сотрудником в детском садике. И работа ей очень нравится. Вера всегда с радостью собирается на работу. Но минуточку, если она не появляется на работе вот уже вторую неделю, то куда же она уходит каждое утро? И где болтается весь день? И где проводит вечер?

И Полина принялась соображать. Последние неделю-две Вера приходит очень поздно. Выглядит крайне усталой. Отказавшись даже от скудного ужина, состоящего из хлеба и воды, она валится в свою постель и спит до утра. А утром встает чуть свет и куда-то убегает. Говорит, что на работу, но на работе ее не видели...

– Вот уже с прошлой среды мы не видим нашу Веру. Мы за

нее тревожимся. Обычно она очень исполнительна и ответственна. За то недолгое время, что Вера работает у нас, она ни разу не пропустила работу без уважительной причины. Если заболела, то обязательно звонила, предупреждала.

На том конце трубки явно ждали, что им ответят. Но что могла сказать Полина? Что ее сестра мотается к некому Учителю, который научил ее сидеть на диете из хлеба и воды, таскать уродливые черные тряпки, в которых сестра становится похожей на ворону, и, похоже, он же заставил Веру уйти с работы.

Полина сама не помнила, что пробормотала. Уверяла, что Вере пришлось уехать. Что дело крайне срочное. Что сестра обязательно позвонит и все объяснит, как только у нее представится такая возможность. По мере того как тетка на другом конце провода осознавала, что Вера жива и всего лишь куда-то смоталась, сочувствие в ее голосе уменьшалось, а недовольство возрастало.

– Она вам перезвонит! Клянусь вам!

– Уж пожалуйста! – почти сердито произнесла женщина. – Если Вера хочет взять отпуск за свой счет, то она должна была хотя бы написать заявление.

– Она... Она его написала.

– Да? И где оно?

– Оно дома.

– Тогда заведите его нам. Хотя так дела не делаются, должна я вам сказать. Ваша сестра отработала чуть больше двух

месяцев и уже хочет в отпуск!

Полина и сама знала, что не делаются. Но что она могла?

Разговор давно закончился. А Полина все стояла, сжимая в руке телефонную трубку. Она была в полной растерянности. Она чувствовала, что с сестрой происходит нечто не просто странное, а уже по-настоящему плохое. Не могла ее сестрица вот так с бухты-барахты забить и на их семейный бизнес, и на свою собственную работу. С ней что-то случилось, и хотя внешне эти изменения были не так сильно заметны, видимо, внутренний мир Веры был полностью разрушен. И вину за эти разрушения Полина возлагала на него... на этого гада... на подлого Учителишку, кем бы он там ни оказался.

– Что же делать? – пробормотала Полина. – Маме с папой звонить нельзя. У них работа. И, вообще, они далеко. Пока долетят... Надо что-то придумать самой.

Единственный человек, с кем могла в такой ситуации посоветоваться Полина, была ее любимая преподавательница по специальности – Римма Вениаминовна. Казалось, эту женщину невозможно было вывести из равновесия. В стрессовой ситуации Римма Вениаминовна всегда сохраняла трезвость суждений и холодную голову. Вот уж кто мог решить сложную задачу, омрачавшую жизнь Полины, это она.

Полина выпрямилась. Да, именно так ей и нужно поступить. Прямо сейчас она поедет к своему преподавателю. Расскажет о странном поведении Веры, о ее внезапных и став-

ших частыми отлучках, о брошенной работе. Римма Вениаминовна именно тот человек, кто сможет дать Полине хороший совет.

Оказавшись у дверей комнаты, Полина внезапно обернулась, словно повинувшись непонятному приказу, и оглядела знакомую ей до мелочей комнату. Ее посетило странное чувство, казалось, что она видит все со стороны. Так, как это мог бы увидеть посторонний человек. Ряды фиалок расположились на облицованных блестящей фольгой полках, сверху над каждой полочкой были подвешены светодиодные лампы и фитолампы, под которыми фиалки охотно цвели и почти никогда не болели.

Хитростей с выращиванием фиалок было великое множество. Например, они боялись холодного воздуха от открытых окон, поэтому росли у сестер не на подоконнике, а на специально купленных в «ИКЕЕ» деревянных стеллажах. Они тянулись вдоль всей комнаты из одного конца в другой. Когда-то в этой комнате обитала бабушка и ее фиалки. Теперь тут жили одни только фиалки. И, уходя, у Полины вновь возникло странное чувство, словно бы она прощается с этим местом, если не навсегда, то очень надолго, это уж точно.

Чтобы прогнать это ощущение, Полина передернула плечами.

– Чушь и бред! – произнесла она. – Вечером вернусь домой. Все будет хорошо, все будет, как обычно!

Новый удар был нанесен Полине, когда девушка выходи-

ла из подъезда дома. Ей встретилась соседка – тетя Валя. Женщина она была славная, но с одной особенностью: очень любила почесать язычком, обсуждая последние новости. Ей первой Вера и посоветовала искупить свои грехи молитвой и постом.

И сейчас при виде Полины соседка просияла.

– Деточка! Полиночка! А я тебе как раз хотела сказать кое-что насчет Верочки!

Полина прямо почувствовала, как в области копчика у нее что-то зачесалось и задрожало. Похоже, та самая пресловутая пятая точка подсказывала ей, что услышанные от соседки новости будут плохими.

– Ты же знаешь, я теперь на пенсии, заняться мне нечем, а спится мне по утрам плохо. Проснусь в пять утра и лежу, в потолок глаза таращу. Что делать, не знаю. Встать и по хозяйству шуршать, так своих всех разбужу. Ругаться будут. Гулять идти – вроде как глупо, темень на дворе. Даже взяла себе собачку в приюте, чтобы было, с кем гулять в такую рань.

Собачку Полина знала. Звали ее Жужжа. Была она маленькой, беленькой, неопределенных кровей. Но в плане прогулок она надежд своей хозяйки совершенно не оправдала. Жужжа любила поспать. И раньше десяти-одиннадцати часов дня на улицу никогда не просилась. Тете Вале приходилось выносить спящую Жужжу на руках, будить собаку уже на улице и ставить ее на землю. Но Жужжа была не так-

то проста, она тут же снова валилась на бок. Двигаться она не желала. И пока тетя Валя ходила вокруг нее кругами, изображая прогулку, сама Жужжа громко храпела на траве.

– Так вот, выходим мы сегодня с Жужжей погулять, а из вашей двери как раз выскакивает Верочка.

В руках у девушки была огромная сумка. И тетя Валя сделала справедливые выводы об отъезде молодой соседки.

– Куда собралась, Верочка? – приветливо улыбаясь, спросила она у девушки.

Но всегда безукоризненно вежливая Верочка на этот раз рыкнула на соседку:

– Не ваше дело!

От изумления руки тети Вали слегка разжались, и Жужжа тихо выскользнула, но женщина этого даже не заметила. Впрочем, и сама Жужжа не выразила никакого протеста. Мягко приземлившись на пол, она продолжила спокойный сон. А пока оторопевшая от такой непривычной грубости тетя Валя топталась на площадке, Верочка уже кинулась вниз. Конечно, тетя Валя решила догнать девушку.

– Я же понимаю, что-то случилось. Иначе Верочка никогда не позволила бы так со мной разговаривать.

Ничуть не обиженная, а, напротив, встревоженная и взволнованная тетя Валя ринулась вниз. Впопыхах она даже забыла про Жужжу, которую держала на поводке и которую поволокла за собой. Съехав по двум или трем ступенькам, Жужжа пробудилась, возмутилась и расплакалась. Тете Ва-

ле пришлось задержаться, чтобы вновь поднять собачку на руки.

– Одним словом, когда я выскочила на улицу, то Верочка уже садилась в машину.

– Вера уехала на такси?

– В том-то и дело, что это было не такси. Было бы такси, стала бы я тебя тревожить. Нет, это была совсем особенная машина.

Тут тетя Валя поджала губы, мол, ни словечка больше вам не скажу. Полина молча ждала. Она знала, что тетя Валя интригу долго держать не умеет, секундой раньше, секундой позже – проговорится.

И верно, помолчав с полминутки, тетя Валя все-таки выпалила:

– Катафалк!

– Что?

– Это был катафалк!

Почти лишенные ресниц круглые глаза тети Вали напоминали глаза какой-то птицы. Совы или филина. А когда она ими похлопала, сходство только усилилось.

– Длинная черная машина, – продолжала она, – закрытая со всех сторон. На окнах черные занавески, на них наши-ты серебряные кресты. Такие же кресты и на самой машине были нарисованы. И еще голубь над крестом и три буквы – ЕХО.

– ЕХО? – машинально повторила Полина. – А что это зна-

чит?

Тетя Валя всплеснула руками.

– Вот тебе и раз! А я-то думала, что это ты мне скажешь! Наверное, название компании перевозчика.

– Перевозчика?

– Ну, перевозчика душ на тот свет. Отправителя. Не знаю, как это сказать. У вас же кто-то умер?

– Вроде бы нет, – возразила Полина. – Я ничего такого не знаю. Вера мне не говорила о том, что собирается сегодня на похороны.

О том, что Вера ей в последнее время вообще ничего о себе и о том, чем она занимается, не рассказывала, Полина решила не упоминать.

И добрая тетя Валя вновь поспешила найти оправдание:

– Может быть, волновать тебя не хотела. Наверное, на работе у них кто-то умер.

– Ну, может быть.

– Если на работе, то ты в голову не бери. Люди постоянно умирают. А уж когда возраст подходит... Вот у меня, взять к примеру, за последний год столько друзей поумирало, что я теперь на кладбище бываю чаще, чем где-то еще. В молодости все по танцулькам, а теперь по поминкам. У каждого возраста свои развлечения.

Разговор стал Полину тяготить. Она знала, если тете Вале позволить, то она сейчас плавно переключится на свою жизнь, своих родных, близких, друзей и знакомых. И пока

про каждого из них все в подробностях не расскажет, не откажется. Эту болтовню следовало пресекать сразу в зародыше.

И Полина сказала:

– Ладно, тетя Валя, с вами хорошо, но мне бежать надо.

– В училище торопишься? Прости, что я тебя задержала своими глупостями. Просто увидела этот катафалк, буквы эти, будь они неладны, вот и накатило. Маму вашу с папой давно не вижу, вот и подумала...

– Нет, нет, – испугалась Полина. – Они живы-здоровы.

Но всю дорогу до училища у Полины из головы не шли слова соседки про страшный черный катафалк, на котором нынче рано утром уката в неизвестность Верочка. И уверенность в том, что сестра влипла в какую-то историю, в Полине еще больше укрепились.

Глава 2

В училище Полина первым делом разыскала Римму Вениаминовну. Та пила кофе, закусывая его сдобной булочкой. Рядом на тарелочке дожидалось своей очереди ее любимое пирожное «наполеон». Даже с расстояния было видно, какое оно пышное, какой маслянистый желтый крем. Абы что и абы где Римма Вениаминовна не потребляла. Она любила продукты наилучшего качества и всегда знала места, где можно такие получить по весьма сходной цене.

– Повезло, что у нас в стране еще остались люди, которые дорожат собственной репутацией.

Несмотря на весьма полную, местами даже тучную фигуру, отказывать себе в сладком удовольствии преподавательница не находила нужным. То же самое касалось жирного, копченого, печеного, вареного и жареного. Одним словом, Римма Вениаминовна была лакомка, любила вкусно покушать и большого греха в том не видела.

– Если бы Господь хотел видеть меня постницей, то он наградил бы меня другой натурой. А у меня сизмальства был хороший аппетит. Кто хочет мне угодить, пусть вкусно меня накормит.

Полина помнила об этой особенности своей преподавательницы. И появилась перед ней с коробочкой, в которой лежали сэндвичи из кафе, в котором Римма Вениаминовна сама делала покупки.

– Ваши любимые с ржаным хлебом, огурчиком, семгой и сливочным сыром, – льстиво перечислила Полина.

Преподавательница приветливо кивнула ей в ответ. Но даже это простое приветствие получилось у дамы необычайно величественным. Прическа у Риммы Вениаминовны была роскошная, высокая башня, увенчанная гребнем из панциря черепахи с перламутровыми инкрустациями. Свое большое тело женщина укрывала просторными шальями – из шелка летом и тончайшего кашемира зимой. Вообще, Полине ее преподавательница по вокалу казалась кем-то вроде императрицы. Она и вела себя соответственно. И выглядела так же.

Что касается Риммы Вениаминовны, то она тоже разглядывала свою ученицу, находя, что та сильно побледнела и сдала в последнее время. Полина была такая кругленькая, такая розовенькая, когда пришла к Римме Вениаминовне в первый раз на занятие. Просто сердце радовалось, глядя на нее. А за эти месяцы пухлые щечки у девочки совсем сдулись. И второй подбородочек тоже куда-то исчез. Римма Вениаминовна находила эти признаки весьма пугающими. Было ясно, девочку что-то угнетает.

Полина говорила, что родители по работе перебрались жить куда-то очень далеко. Возможно, одно с другим как-то

связано? Надо будет узнать.

– По какому случаю презент? – поинтересовалась она у Полины.

– Мне нужен ваш совет.

– Могла бы и не затрудняться.

– Вы всегда говорили, что мозг нужно кормить. Вот я и хочу подкормить ваш мозг.

Римма Вениаминовна невольно улыбнулась в ответ. Потом взяла упаковку с сэндвичем себе, а тарелочку с «наполеоном» придвинула к Полине.

– Ешь.

– Это же ваше.

– Пока не съешь, разговора не получится. И налей себе чаю.

И больше не произнесла ни слова, пока Полина не упрямилась с пирожным.

– Худая, бледная, что с тобой происходит?

– Это все из-за Веры.

Полина могла долго не объяснять, кто такая Вера, поскольку в свое время сестра закончила это же училище, пела в хоре, а руководительницей хора пару лет была именно Римма Вениаминовна.

– И что с Верой? Она влюбилась?

– Ах, если бы!

И Полина принялась изливать душу. По мере того как она говорила, лицо Риммы Вениаминовны темнело.

– Вера ведь училась у Клавдии Николаевны? И я помню, ты говорила, что они были очень дружны. Мне-то уже подолгу стоять на ногах трудно, потому я и предложила Клавдию на должность руководительницы хора. Она молодая, инициативная, ученицы считали ее почти что своей. А уж твоя Вера всегда была в числе приближенных Клавдии.

Полина кивнула. Сестра обожала свою учительницу по вокалу. И хотя училище Вера закончила в прошлом году, она до сих пор является солисткой в их хоре, посещает все репетиции и ездит на выступления. Клавдия Николаевна, которую ученицы звали просто Клавдией, была еще очень молода, всего на несколько лет старше своих учениц. И отношения со многими из них у нее сложились дружескими. В частности, с Верой они почти что подруги.

– Странное совпадение, – произнесла Римма Вениаминовна. – Клавдия не выходит на работу вот уже почти неделю.

– Как и Вера!

– Я слышала, девочкам Клавдии даже подыскивают замену, – задумчиво продолжала Римма Вениаминовна. – Поскольку никому непонятно, что случилось с Клавдией.

– Ей никто не звонил?

– Звонили, конечно, – пожала плечами женщина. – Но... Впрочем, пойдем со мной и все узнаем более точно.

И Римма Вениаминовна величественно поплыла по зданию училища. Оно находилось в старинном особняке, зани-

мало все его четыре этажа. И здешние высокие потолки с лепниной, колонны и узкие створчатые окна как нельзя лучше подходили для обрамления облика этой женщины.

Они пришли вовремя. Класс Клавдии как раз занимался, но распевались они с другим преподавателем. Полтора десятка девушек облепили рояль, за которым сидел бородатый Нарцисс. Это не было прозвищем, так звали молодого преподавателя по паспорту. Нарцисс Олимпович. По идее, человеку с таким именем и отчеством полагалось быть задавакой и снобом, но Нарцисс опровергал эту теорию. Был он мил и приветлив. А густую бороду он начал отращивать, чтобы выглядеть хоть немного brutальней и солидней.

С появлением посторонних занятие прервалось. И на вопрос, где же Клавдия, девушки принялись делиться накопившимися у них сведениями.

– Трубку она не берет. Что случилось, не объясняет.

– Мы к ней ходили!

– Ездили раз пять!

– Поодиночке, парами и целыми компаниями. Ее то нету дома, то она ни с кем не хочет общаться.

– Сидит дома одна-одинешенька, твердит через дверь, что плохо себя чувствует, но врача к себе при этом не вызывает.

Римма Вениаминовна удивилась:

– Откуда знаете про врача?

И девушки затараторили в ответ:

– Мы и в поликлинике районной были!

- Там ничего не знают про ее заболевание.
- Участкового терапевта она к себе не вызывала.
- Сведений о том, что Клавдия лежала или должна лечь в больницу, у них нету.

Римма удивилась еще сильнее.

- Что же с ней случилось?

В ответ девушки почти застонали:

- Если бы с ней одной!

– У нас еще и Яна с Таней Веселовой тоже перестали на занятия ходить.

– И у них те же симптомы. На связь не выходят. Разговаривать с нами даже через дверь не желают.

- Мы прямо извелись.

– Выступление на носу, программа не готова, все сырое, а они такие фортеля отчебучивают.

- А Вера? Она на репетиции приходит?

В ответ раздался уже самый настоящий стон. Выяснилось, что все проблемы у хора начались с того, что Вера не явилась на две репетиции подряд. На звонки она не отвечала. И после второго пропуска Клавдия, которая выглядела взволнованной, сказала, что поедет и поговорит с Верой, выяснит у нее, что происходит.

– И все! Уехала и пропала! Больше мы ее не видели! И Веру не видели! Уже вторую неделю, как их обеих нету!

Полина пребывала в шоке. Почему же ей никто не сказал про Веру? Сама-то она узнать об этом не могла, хор зани-

мался по вечерам, когда у самой Полины занятия были уже закончены, и она уходила домой. Промежуток между отбытием Полины и прибытием в училище Веры составлял почти полтора часа. Но почему к Полине не подошел никто из участниц хора? Не поинтересовался, что с Верой. Впрочем, Вера интересовала девчонок в меньшей степени, чем Клавдия. Ее они и искали. Сперва девочки подумали о самом вероятном, Вера и Клавдия заболели. Почему обе? Ну, сначала заразилась одна, потом от нее заразилась другая. Но когда исчезли еще и Яна с Таней, тут уж учениц охватила настоящая паника.

– А вдруг это что-то очень сильно заразное? Вдруг мы все находимся в группе риска? Ведь не только Яна с Таней, но и мы все контактировали и с Верой, и с Клавдией.

Но потом отправленная для десантирования районной поликлиники Клавдии группа учениц принесла очередную новость. Клавдия в списках больных не числится, больничный лист она не открывала и, более того, способна передвигаться на своих двоих, и весьма резво.

– Потому что когда она нас увидела, то дала такого стрекача, мы за ней не смогли угнаться! Заскочила в метро и была такова!

Римма Вениаминовна выслушала девушек и снова им кивнула:

– Продолжайте заниматься!

И закрыла дверь. За ней не сразу, но раздались аккорды,

и высокие чистые девичьи голоса запели:

– Санктус, Санктус, Санктус Доминус! Ту Рекс gloria Христе.

Хор репетировал латинский гимн «Слався», чтобы выступить с ним на конкурсе «Религио», который традиционно проходил в предрождественские дни в городской кирхе. За прошлые годы конкурс все набирал и набирал высоту. И не последняя роль в этом принадлежала хору училища. Трудненько будет соответствовать задранной ими же самими планке. Если Клавдия с Верой не появятся, то хор рискует проиграть конкурс. Даже Полина понимала: как ни хорошо поют девушки, но без солистки и руководителя им будет полный капут.

Римма Вениаминовна пошла к себе. Она сделала знак Полине следовать за ней, и та потрусилась, словно маленькая собачка за своей хозяйкой. И ничего удивительного в этом не было, каждый шаг Риммы равнялся трем шагам невысокой Полины.

Когда они оказались у Риммы в кабинете, она повернулась к Полине:

– Ты уверена, что Клавдия не обращалась к тебе с расспросами о том, что случилось с твоей сестрой?

– Уверена!

– Клавдия не спрашивала, здорова ли Вера?

– Она вообще ко мне не подходила!

– Это плохо, – заключила Римма. – Плохо, потому что

прямо указывает, Клавдия знала, у тебя спрашивать без толку. Ты не можешь знать, что происходит с Верой. А сама Клавдия, похоже, знала, что с твоей сестрой дела обстоят неладно.

– И что же делать?

– Меня немного смущают эти две девочки – Яна с Таней. Они-то тут каким боком? Никогда не видела их в компании с Клавдией или Верой. Эти две – сами по себе, те две тоже сами по себе. Но ничего, с этим мы разберемся потом. А сейчас займемся более важным делом. Вернее, ты займешься. Я не могу, у меня занятия.

– У меня тоже.

– Это не проблема, – тоном доброй феи крестной произнесла Римма. – Я напишу тебе освобождение от всех сегодняшних занятий. Вместо них ты поедешь к Клавдии домой. Но разговаривать лично с ней ты не будешь. Вместо этого ты обойдешь соседей, поговоришь с ними. Может, эти люди замечали что-то необычное в поведении Клавдии или видели странных гостей, которые к ней приходили. Слушай их рассказы очень внимательно, потом мне перескажешь вплоть до последней мелочи. Диктофон у тебя есть?

– Да.

– Тогда лучше записывай.

Полина пообещала, что все сделает, как ей велено.

И, в свою очередь, спросила:

– А почему мне нельзя поехать к Клавдии уже после за-

нятий?

– Нельзя! Сейчас утро, Клавдия визитеров из училища не ждет. Она будет вести себя более расслабленно, чем вечером, когда она будет ожидать, что к ней могут нагрянуть очередные доброхоты с проверкой, жива она еще или уже скопытилась. Адрес я для тебя разузнала. Вот он. Это станция метро «Технологический институт».

И, снабдив Полину инструкциями, преподавательница выпустила к себе томящегося в коридоре очередного ученика. Тот начал раскладывать ноты, Римма Вениаминовна следила за ним стеклянным взглядом, ничего не видя перед собой. Но на сердце у нее было тревожно.

– Умненькая девочка, – успокаивала она саму себя. – Сообразит, если что не так.

Полина нашла дом Клавдии без особенного труда. И подъезд тоже вскоре нашелся. Ну, подумаешь, поплутала по нескольким проходным дворам, расспросила пару-тройку старожилов, но в итоге все же нашла нужный ей подъезд. Вход к нему сейчас вел через соседний дом, потому что во дворе велись работы по замене труб центрального отопления. Ерунда, что ходить неудобно и жильцам приходится делать приличный крюк, приноровятся. Опять же, ноябрь на дворе делу не помеха, в холод работать даже сподручней, чем летом в жару. И рабочим хорошо, и жильцам прекрасно, можно здорово сэкономить на коммуналке, если несколько

дней посидеть без отопления. Да не так уж и холодно на улице, температура уже который день держится на уровне нуля по Цельсию.

Домофон работал. Сам подъезд был чистенький и свеженький после недавно проведенного тут ремонта. Лифт, правда, отсутствовал, но это уж роскошь, знаете ли. На четвертый этаж можно и без лифта легко вскарабкаться. Во всяком случае, для Полины это не составило особого труда. На полпути она догнала бабульку, которая волокла огромные пакеты с продуктами. Бабушка добралась до второго этажа, но ей надо было выше, а силы были уже на исходе. И бабулька то и дело останавливалась, чтобы передохнуть, чуть ли не на каждой ступеньке.

Полина сперва проскакала вперед, но потом ей стало стыдно, она одумалась и вернулась.

– Бабушка, давайте, я вам помогу!

Бабка долго и испытующе глядела на нее, словно проверяя, достойна ли Полинка доверия.

Потом сказала:

– Сумку давай. Ты мои пакеты потащишь, а я твою сумку.

– Да не надо, – рассмеялась Полина. – Она совсем не тяжелая. Спасибо вам, но я и так справлюсь. Давайте ваши пакеты.

– Ты что, дура? – поинтересовалась у нее бабка. – За каким фигом мне тебе помогать? Просто если ты с моими покупками деру дашь, то мне тебя не догнать будет. А так твоя

сумочка у меня в залог останется. Ну что? Согласна на такой обмен?

– Держите.

Бабка вцепилась в сумку Полины, а та поволокла сумки на четвертый этаж. На четвертом этаже жила также Клавдия. И Полина прикидывала, совпадение это или нет. Дверь в бабкину квартиру была самой обычной, обитой вагонкой. А вот дверь в квартиру Клавдии выгодно отличалась. Лак, латунь, шик и блеск.

– Ладно, помогла, теперь топай.

– Бабушка, вы меня простите, но меня к вам по делу послали.

– Кто тебя ко мне послал?

– Директор нашего училища. Я учусь в классе у Клавдии Николаевны, а она не появляется на работе больше недели. Меня послали узнать, все ли с ней в порядке.

– В училище, говоришь? А как фамилия Клавдии?

– Чепухова.

Бабка фыркнула.

– Надо же, знаешь. Выходит, не врешь?

– Не вру.

– Ну, тогда заходи. Да не бойся, Клавдии все равно дома нету. За ней как утром катафалк приехал, так и все, больше она не появлялась.

Услышав второй раз за это утро про катафалк, Полина немножко напряглась.

– А что за катафалк? Черный?

– Да уж не цветной.

– А кресты на нем были?

– Имелись и кресты. А ты чего? Тоже его видела?

Полина через силу кивнула головой и спросила:

– В котором часу это было?

– Около девяти.

А Вера уехала еще в семь утра. Что же получается, один и тот же катафалк забрал сперва Веру, покатал ее, а потом приехал за Клавдией? И увез обеих? А куда?

– Раньше вы этот катафалк тут видели?

– Нет. У нас народ живучий. А если кто и помирал, то тихо, без всякой помпы на погост отправлялся. Автобус для родственников. Ну, или «газельку», если родни немного. А катафалк... Даже не припомню, чтобы такое в жизни видела. Вот деда моего хоронили, четверка лошадей дроги с гробом тащила, но то другое, в деревне дело было, да и давно, до войны еще. Нынче уж так не хоронят.

– А у Клавдии разве кто-то умер?

– Некому у ней помирать. Одна она живет. Отца с матерью давно уж схоронила. Бабку с дедом туда же. Ни братьев, ни сестер у Клавдии нету.

– А жених? Муж?

– Мужик какой-то крутился возле нее, да что-то последний месяц я его больше не вижу. Пастор к ней приходил, это было дело. Но пастор – это ведь не мужик?

– Пастор?

Полина снова насторожилась. Пастор – это священник католической церкви. А кресты на катафалке были католическими. И еще совсем неподалеку отсюда на Первой Красноармейской находился собор Успения девы Марии, принадлежащий опять же католикам.

И Полина решила, что соседку насчет пастора нужно расспросить получше.

– Вы его видели?

– Видела. Подтянутый такой, красивый, я бы даже сказала. Костюм на нем ладно так сидел.

– Значит, он не в сутане был? Как же вы узнали, что это пастор?

– Ты наших священников много видела, чтобы они в рясах по улицам расхаживали?

– Иногда бывает.

– Куда чаще они в обычной одежде ходят, – возразила старуха. – Так и пастор в мирской жизни в костюме ходил. Только на шее такая особенная штучка у него была, пасторский воротничок называется.

– Только по воротничку и узнали?

– Клавдия мне сама сказала, что это пастор к ней приходил.

Пастор. Катафалк. Что происходит? Полине очень хотелось бы это узнать, но она пока что не представляла, с какой стороны подступиться к делу. Одно она понимала: если они

хотят разобраться, нужно искать таинственный катафалк и его владельца.

Но в этот момент ей позвонила Римма.

– Я все выяснила, – сказала она, не дав Полине и рта открыть. – Поговорила с нашими. Боюсь, дело серьезней, чем я ожидала. Оказывается, за последние две недели на Клавдию и Веру было совершено не меньше пяти покушений. Два на Клавдию, три на Веру.

– Покушения? – пробормотала Полина. – Какие покушения? Вы имеете в виду покушения на жизнь?

– Да, это я и имею в виду. Вера тебе ничего не рассказывала?

Полина лишь пожала плечами. Она была так ошеломлена, что даже не вспомнила, что Римма не может ее сейчас видеть.

– Ничего.

– Вспомни, – настаивала преподавательница. – Не может быть, чтобы совсем ничего. Обычно когда человек чудом избегает смерти, он рассказывает об этом своим близким.

Но Полина лишь припомнила, как несколько дней назад ее сестра вернулась домой с раскалывающейся от боли головой. Заперлась в ванной комнате, там долго лилась вода. Но Полина не придавала этому особого значения, поскольку ванная комната для того и создана, чтобы лить там воду. К тому времени, как Вера вышла, Полина успела приготовить ужин и даже накрыла на стол. Но Вера от еды отказалась, хотя По-

лина специально для нее расстаралась, приготовила плов из зерен полбы с шампиньонами, ни мяса, ни сливочного масла, ни даже яиц. Все максимально постно, но Вера отведать не захотела. Сослалась на нездоровье и закрылась у себя в комнате.

А когда сама Полина позднее пошла в ванную, чтобы тоже умыться, то заметила на раковине кровь. На полочке в аптечке также появилась бутылочка с перекисью, которой еще накануне не было. В мусорном ведре на кухне лежал пакет с окровавленными марлевыми салфетками. Полина знала, что такие продаются в аптеках специально для того, чтобы накладывать их на рану при перевязках.

– Зачем они были нужны Вере? Что с ней случилось? Я пошла к Вере, чтобы спросить, но сестра спала.

Тем не менее бледность на лице сестры показалась Полине сегодня очень уж чрезмерной. Вера с тех пор, как связалась со своим Учителем, и так румянцем не радовала, попробуйте посидеть на хлебе и воде, сами заметите, как интересная бледность очень быстро разольется по вашему лицу. Но в тот вечер Вера выглядела что-то совсем уж скверно. И к тому же подушка, на которой она лежала, сбилась в комок.

– Я осторожно ее перевернула и тут заметила, что наволочка вся в крови. И кровь была свежей. А под волосами у Веры был наклеен пластырь с той самой марлевой повязкой, которую я уже нашла в мусоре.

К счастью, крови было совсем немного. А спала Вера

крепко. И Полина решила не будить сестру. Пусть отдохнет, пусть выспится. Утром можно будет все обсудить.

– Но утром Вера отказалась со мной разговаривать на тему своего нездоровья. Как обычно, ушла, сказав, что идет на работу. Но как теперь выясняется, на работу она не пошла, а куда пошла, неизвестно. Может, эта рана на голове у сестры и была следствием одного из таких покушений?

– Наверняка! На Клавдию тоже было совершено два покушения. То есть, может быть, их было и больше. Но после первых двух Клавдия перестала ходить на работу.

И Римма рассказала, как сегодня после отъезда Полины на перемене она пошла к заведующей учебной частью, с которой у нее были теплые и хорошие отношения.

– И Анна Геннадьевна под большим секретом мне рассказала, что Клавдия жаловалась ей, что боится за свою жизнь, что ей чудится, что преступник караулит ее за каждым деревом, за каждым углом. И что она просит внеочередной отпуск, чтобы полиция успела бы за это время поймать или как-то иначе нейтрализовать злоумышленника. Отдел кадров пошел в этом вопросе Клавдии навстречу, учли ее особые обстоятельства и разрешили не появляться хоть целый месяц. В целях конспирации никого оповещать об этом не стали. Наверное, и твоя Вера тоже договаривалась о чем-то подобном со своим руководством на работе.

– А зачем же они мне тогда звонили?

– Ты уверена, что это звонили именно с Вериной работы?

– Ну... та женщина, которая мне звонила утром, она так сказала.

– Сказала! – фыркнула Римма. – В наше время никому нельзя верить на слово. Ты вот что... ты лучше узнай, что полиции известно по этому делу.

– Тогда я схожу в отделение полиции, узнаю, нету ли у них новостей.

– Это будет очень даже не лишним. С соседями уже поговорила?

Полина изложила те новости, которыми располагала.

И Римма решила:

– Будем искать этот катафалк. Какие буквы на нем были? ЕХО? Полагаю, это какая-то аббревиатура. Если она зарегистрирована как торговый знак или входит в логотип организации, то можно с помощью этих букв найти само юрлицо. Любой церковный приход оформлен как ООО или ТОО. Одним словом, сведения о нем должны иметься. Я сейчас этим и займусь. А ты иди в отделение полиции.

Полина убрала трубку обратно в карман и повернулась к бабуле, чтобы попрощаться. Но, к своему удивлению, обнаружила, что бабка держит в руках пистолет. Внушительных таких размеров пукалка была направлена прямо в сторону Полины.

– Ба...ба...бабушка... – заикаясь, произнесла Полина. – Вы это чего?

– Ничего, – спокойно ответила старуха.

И, отвернувшись от Полины, нажала на спусковой крючок.

Глава 3

Раздался щелчок. И прямо из дула пистолета вырвался маленький огонек пламени. Старуха поднесла его к плите, зажгла газ и с удовольствием произнесла:

– Видела, какой презент мне внучек на 8 Марта подарил? Мне теперь ничего не страшно. Стоит эту пукалку достать, как любой злодей готов от страха обделаться.

Полина была готова подтвердить каждое сказанное бабушкой слово. Она чувствовала, что вот-вот грохнется в обморок. От пережитого ужаса у нее тряслась и дрожала каждая жилочка в организме.

– Да ты садись, – спохватилась старуха. – В ногах правды нет. Вон бледная какая. Сейчас чай с тобой пить будем.

За то время, что Полина разговаривала по телефону, старушка уже выставила на столе угощение. Стояли вазочки с вареньем. Лежали печеньки. И, что самое удивительное, чашек бабушка выставила не одну, а две. Выходит, и впрямь собиралась поить гостью чаем.

– В полицию не ходи, ничем тебе там не помогут, – рассудительно сказала она, присев за стол. – Они и Клавдию отшили, и Вере помочь не захотели. И тебя тоже прочь прого-

нят. Не ходи, не трать силы понапрасну.

От удивления Полина так и плюхнулась рядом с бабкой.

А бабуля продолжала ворчать:

– Сказала бы ты мне сразу, что ты сестра Верина, я бы тебе с самого начала все рассказала. А то думаю, что за девица странная Клавдией интересуется. Ты на меня не обижайся за недоверие, но после всех приключений, что на Клаву свалились, уже не знаешь, что и на кого думать. То одно нападение, то другое. То на Веру, то на Клаву.

– А что случилось? Кто на них напал?

– Да если бы знать!

И старушка, которую звали Татьяной Сергеевной, принялась рассказывать.

– Всю жизнь дверь в дверь живем. Семья Чепуховых с одной стороны, и напротив мы – Богдановы.

Жили мирно, хотя особенной дружбы не водили. Богдановы были трудовой косточкой. Отец же Клавдии был капитаном дальнего плавания, зарабатывал очень хорошо, Клавдия ни в чем никогда отказа не знала. Еще лучше Клавдия зажила после кончины родителей, соседи шептались, что отец с матерью оставили дочери хорошее наследство. Но когда Татьяна Сергеевна спросила о том у самой Клавдии, девушка лишь улыбнулась.

– Сама зарабатываю. Частные уроки даю. С концертами ездим. Кручусь, как белка в колесе.

Это была чистой воды правда. Дома Клавдия бывала ред-

ко. Уходила рано, приходила поздно. Мужчины если и появлялись, то ненадолго. Жила Клавдия одна. И вот однажды Татьяну Сергеевну отвлек от домашних дел звонок в дверь. Все ее домашние уже ушли, старушка была одна, открывать не спешила. Но за дверью кто-то стонал.

А потом голос Клавдии слабо произнес:

– Татьяна Сергеевна, откройте.

Старушка открыла дверь и ахнула. Клавдия была вся в крови, которая струилась у нее из раны на голове.

– Что такое? Что случилось?

– Не знаю, – пролепетала Клавдия. – Камнем... по голове...

И потеряла сознание! Татьяна Сергеевна, откуда только силы взялись, затащила соседку к себе в дом. Кинулась звонить врачам, но поняла, что не знает, как это сделать. Домашний телефон был ее детьми за ненужностью давно отключен. А сотовый на заветные «03» не откликнулся. Впрочем, пришедшая в себя Клавдия от врачей отказалась.

– Не надо. Не хочу в больницу. Помогите мне дверь открыть. Ключи у вас есть?

Запасные ключи от соседской квартиры у Татьяны Сергеевны были. Она помогла Клавдии прийти к себе, обмыла ей рану, продезинфицировала и выслушала, что же случилось с Клавой. Оказалось, что на девушку напали полчаса назад, когда она шла в сторону метро.

– Кто-то подбежал сзади, ударил и убежал.

Клавдия упала и потеряла сознание. Когда очнулась, сумки при ней уже не было. То ли ее украл нападавший, то ли поживился кто-то уже потом.

– Конечно, из-за сумки на тебя напали! – решила Татьяна Сергеевна. – Видят, хорошая сумка, кожаная, дорогая, вот и решили, что поживятся.

Впрочем, ничего ценного в сумке Клавдия не носила, паспорт, документы и телефон она носила во внутреннем кармане куртки. И лишь вернувшись назад, Клавдия поняла, что не может попасть к себе в квартиру, потому что в украденной сумке были ключи от дома.

В тот день Клавдия никуда не пошла, ей было плохо, кружилась голова и тошнило. Но от врача она упорно отказывалась. На другой день ей полегчало, она вновь отправилась на работу. Доехала вполне благополучно, но на обратном пути с работы совсем рядом с ней на землю упал кирпич. Летел он откуда-то с верхнего этажа дома, мимо которого Клавдия проходила каждый день. Возможно, Клавдия бы и внимания не обратила, но так как это был уже второй несчастный случай с ней за такое короткое время, то она насторожилась.

– Происходит что-то неладное, – поделилась она с соседкой. – На мою подругу тоже несколько раз нападали. Один раз в парке, где она гуляла, ей в голову прилетел камень. Другой раз сверху на нее скинули какой-то цементный блок. Еще бы чуть-чуть, и Вера бы от нас улетела.

Третий раз случился с Клавдией, когда она стояла на пер-

роне метро. Женщина о чем-то задумалась, когда внезапно ощутила толчок в спину. И если бы стоящий рядом с ней мужчина не ухватил бы ее за шкурку, свалилась бы на рельсы!

– А поезд как раз приближался! Если бы я упала на рельсы, то оказалась бы прямо под его колесами!

Тот мужчина, который удержал Клавдию от падения, оказался служителем культа. Пастором. Звали его Петер. И был он родом откуда-то из Германии, откуда именно, Клавдия тут же забыла, потому что влюбилась в своего пастора моментально и на всю жизнь. Уже одно то, что он спас ей жизнь, говорило в пользу этого человека. А плюс к тому еще высокий рост, приятный голос, чудесная гладкая кожа и большие выразительные глаза. Красавчик! И молодец! Спас ей жизнь!

Но сам пастор Петер был озабочен.

– Я видел, как тот человек толкнул вас. Он сделал это нарочно, уверен в этом! Сначала терся рядом с вами, а когда поезд уже подходил, толкнул!

– Как он выглядел?

– К сожалению, у него на голове была шапка, он натянул ее почти до глаз. А нижнюю часть лица закрывала большая черная борода. И плюс еще очки.

Очки, борода и шапка – классический набор для камуфляжа. Надень такой, и сам себя в зеркале не узнаешь. Они пытались навести справки у сотрудников полиции метро. Петеру даже удалось договориться, чтобы им показали часть

видеозаписи, на которой был виден трагический момент. И все, кто видел, сошлись на том, что Клавдию тот мужчина толкнул не случайно, он действовал целенаправленно. Но вот кто он такой, Клавдия не определила. Признать злоумышленника она не смогла, хотя и просмотрела запись не меньше пяти раз.

Пастор Петер оказался настолько любезен, что проводил Клавдию до самого ее дома и не ушел до тех пор, пока не убедился, что она благополучно достигла своей квартиры, никто ее ни там внутри, ни снаружи у дверей не подстерегал. И лишь после этого ушел. На другой день пастор явился снова. И с тех пор появлялся регулярно, хотя на ночь никогда не оставался, и все его визиты были, скорее, проявлением дружеского участия, чем какого-то страстного чувства. Во всяком случае, никаких вольностей пастор себе не позволял. И даже на улице ограничивал тактильный контакт с девушкой лишь тем, что несколько старомодно поддерживал Клавдию под руку.

Именно он настоял на том, чтобы Клавдия прекратила посещать работу. И настоял на том, чтобы и Вера сделала то же самое. И это помогло. То ли злодей испугался постоянного присутствия свидетеля, то ли нашел себе другую жертву, но покушения на Клавдию прекратились. То же самое касалось и Веры. На нее тоже больше никто не покушался. И, в принципе, девушки могли быть довольны, но вот только оставался вопрос, как же быть с работой? Обеим почему-то каза-

лось, если они вернутся к привычному графику, покушения на них возобновятся.

Напившись чаю с очень вкусным вареньем из айвы, Полина начала прощаться. Конечно, варенье, которое Татьяна Сергеевна варила по собственному рецепту с добавлением воды, что делало кусочки айвы не только совершенно прозрачными, но еще и мягкими, тающими во рту, было хорошо. Но пора было приниматься за дальнейшее расследование. И путь Полины лежал теперь на работу к сестре. Может, там смогут что-нибудь сказать про покушения, которые преследовали ее сестру?

По дороге Полина зашла в католический собор, где спросила пастора Петера.

Она очень надеялась, что ей помогут. И даже попросила помощи у коленопреклоненного ангела с чашей для святой воды в руках, стоящего перед входом в храм.

Но в самом храме девушка услышала в ответ:

– Нет! У нас такой человек не служит!

Ответ был таким категоричным, что Полине ничего другого не оставалось, как повернуться и уйти. При этом она недоумевала. Ответившая ей женщина была похожа на монашку, однако разговаривала она сердито, почти зло. Что могло так рассердить эту почтенную особу в вопросе Полины?

Девушка повторила попытку.

– Может, он вам известен под другим именем. Я вам сейчас опишу его внешность. Он молод...

Договорить ей не дали.

– Я же вам сказала, такого тут нет!

Теперь уж сомневаться Полине не приходилось. Монашка была явно не в духе.

Более того, она принялась теснить Полину к выходу.

– Уходите! Еретикам и еретичкам не место в нашем храме!

Она выглядела такой рассерженной, что Полина в панике перепутала двери и выскочила не на улицу, а во внутренний двор. И первое, на что наткнулся ее взгляд, была черная машина с католическими крестами на дверях.

– Вот же! – обрадовалась Полина. – На машине пастора Петера были такие же кресты! И вы не знаете, кто он?

Что тут началось!

– Алекс! Поль! – закричала монашка. – Помогите мне!

Алекс с Полем оказались дюжими ребятами, которые вежливо, но твердо выпроводили Полину за ворота.

– Петера тут не ищи, – сказали они ей напоследок. – Он ушел от нас, и машину тоже забрал с собой.

– А куда ушел? Где мне его искать?

Но охранники уже захлопнули двери. Соваться к ним снова Полина не отважилась. Тем более, она чувствовала, эти люди сказали ей правду. Петера тут больше нету. И они знать не желают, где он сейчас.

Полина знала, что в детском садике на должности учителя музыки Вера успела проработать чуть больше двух месяцев. Слишком малый срок, чтобы обзавестись тут настоящими подругами. Но все-таки что-то люди могли знать. В частности, Полина хотела бы понять, личность таинственного Учителя и пастор Петер – это одно и то же лицо или все-таки два разных персонажа? Вдруг Клавдия с Верой не поделили мужика, и теперь каждая мечтает заполучить его себе? И для этого девушки подстраивают друг другу покушения, пытаясь избавиться от соперницы.

– Хотя нет, – спохватилась Полина. – Ошибка. Покушения на жизнь Клавдии случались и до появления пастора в этой истории.

К тому же были и другие моменты, которые заставляли думать, что пастор и Учитель – это разные люди. По словам Татьяны Сергеевны, пастор никаких ограничений в питании от Клавдии не требовал. Напротив, он и сам любил вкусно покушать, и одобрительно относился, когда она предлагала ему перекусить вместе с ней. И в одежде никаких новшеств у Клавдии не появилось. Да и нравоучительных нотаций пастор Петер никогда не читал. Был он человеком веселым, общительным и про загробный мир, искупление грехов и все такое же скучное и пугающее никогда не говорил. Наверное, подразумевалось, что одному человеку со своими грехами самостоятельно все равно не совладать, так нечего тогда и мучиться.

На улице гуляли детки. Неподалеку в кучку сбились молодые воспитательницы. К ним Полина и подошла.

– Вера? Это музыкальный работник? А ее сегодня нет. И вчера не было. Я уж и не помню, когда у нас под аккомпанемент пели.

Подошла другая. Тоже начала что-то говорить, как они переживают за Верочку, как им без нее неудобно и плохо.

– Приходится деток на танцевальных занятиях под магнитофон гонять. Разве это дело?

– Сказали, Вера приболела. Но мы все больные, если так разобраться. Вот у нас прежняя музыкантша была, так она даже со сломанной рукой на работу приходила. Хоть одним пальцем, но все равно играла!

– А я Веру совсем недавно видела, больной она мне не показалась.

– Симулировать мы все умеем! А кто работать будет?

– Говорила заведующей, возьмите мою двоюродную сестру на эту работу. Как штык была бы у вас на занятиях в восемь утра. Ну и что с того, что у сестры только музыкалка за плечами, да и та незаконченная. Уж трень-брень одним пальцем она сыграть точно сумеет, а нашим соплякам больше и не нужно. Не Рахманинова же с Паганиней им тут разыгрывать! Нет, взяли Веру, потому что у нее, видите ли, диплом имеется. И что теперь с этой дипломированной делать, если она работать не хочет!

Чувствуя, что ей сейчас изрядно нагорит за сестрицу, По-

лина поспешила удрать от злых теток. Она поднялась в кабинет заведующей, которая встретила ее приветливо, но чуть-точку настороженно.

– Как там Верочка? Надеюсь, все у нее разрешилось? Больше ее жизни опасность не угрожает, и мы скоро увидим нашу музыкантшу?

Похоже, заведующая была единственной, кто был в курсе всех дел Веры.

– Если вы имеете в виду покушения на жизнь сестры, то преступник до сих пор не пойман.

– Ой, какой ужас! – побледнела заведующая. – И сколько же этого негодяя будут еще ловить? Потому что вы нас тоже поймите, и пусть Вера поймет, я ей очень сочувствую, никому в коллективе даже не сказала, по какой причине я дала ей отпуск, но все-таки я не ожидала, что это так затянется. Вера просила сначала о нескольких днях за свой счет, потом речь пошла о неделе, теперь ее нету уже вторую неделю. И в ближайшее время мы ее не увидим, правильно я понимаю?

– Сегодня утром Вера уехала на катафалке.

Заведующая побледнела еще сильнее.

– Простите! Я же не знала! Примите мои соболезнования.

И прежде чем Полина успела сказать, что Вера жива, а катафалк не более как таинственный атрибут, заведующая уже закручинилась о своих делах горьких:

– Значит, правильно я чувствовала, придется нам нового музыкального работника искать. Надо же, какая незадача!

Учебный год уже начался, обычно такие рокировки во время каникул делают. Что же Верочка так неудачно...

Она осеклась и виновато взглянула на Полину.

– Вы меня простите. Просто со всеми этими хлопотами голова идет кругом. Иногда уже не соображаешь, что говоришь.

– И вы меня тоже простите, потому что я неправильно выразилась. Вера не погибла. А на катафалке ее увез ее знакомый. Некто то ли пастор Петер, то ли Учитель. Она вам ни о ком из них не рассказывала?

– Нет. У нас с ней были не настолько доверительные отношения. Хотя... Знаете, многие в коллективе очень негативно восприняли тот факт, что Верочка вот уже сколько времени не появляется, больничный у нее не оформлен, грубо говоря, прогуливает она. Отдохнуть решила.

– Ничего себе! – возмутилась Полина. – Тут человека убить пытались! Всем тем, кто против Веры говорит, так бы отдохнуть!

– Тише, тише! Я же все понимаю. Просто в коллективе всегда есть место какой-то ревности, зависти. Одни считают, что я даю больше часов и ставок своим любимчикам. Другие считают, что я к ним несправедливо придираюсь. Одним словом, я не особенно прислушивалась к тем сплетням, что Марина про Верочку распускала, пыталась их даже пресекать, но все-таки некоторая информация дошла и до моих ушей. Видели вашу сестру в понедельник рано утром под

ручку с молодым человеком. Шли себе, прогуливались под ручку.

Полина ощутила, как по ее телу прошла волна. Есть! Незря она прикатила в этот детский садик! Нашелся свидетель, который сможет описать внешность этого загадочного персонажа, в которого влюбилась Вера, к которому на свидания она бегала и под чье влияние она так однозначно сильно попала.

– И как он выглядел? Описать его можете?

– Идите к Марине, – устало вздохнула заведующая. – Она вам его охотно опишет.

Мариной оказалась та самая девица, которая так негодовала из-за своей сестры-недоучки. Полину она встретила враждебно. И разговаривала с ней таким недовольным тоном, словно Полина лично была виновата в том, что случилось.

– Видела я их! И Веру, и кавалера ее! И не сомневайся, я их хорошо разглядела. Целую остановку за ними шла, пока они в машину не уселись!

– А что за машина была? Длинная? Черная? Похожая на катафалк? И спереди, и сзади, и по бокам серебряные кресты?

Марина повертела пальцем у виска.

– Ну у тебя и фантазия, девочка. Нет, обычная машина была. Красного цвета.

– Красного, и все?

– Пижонская такая тачка. Верх даже откидной. Конечно, надо быть полным идиотом, чтобы в нашем климате купить себе такую машину, но если денег куры не клюют, то почему бы и нет.

В голосе молодой воспитательницы слышалась такая неприкрытая зависть, что Полине даже стало страшно за тех детей, которых эта особа воспитывает. Это чему же она может их научить? Ненавидеть тех, у кого карман набит ту же, чем у них самих?

– У некоторых так и вовсе несколько машин. По погоде он их меняет. Если в город, то можно белую. Если на трассе погонять, спортивную. А если в лес на шашлыки, тут уж внедорожник.

Полина не выдержала и перебила:

– Можно про мужчину узнать?

Вот мужчину воспитательница разглядела хорошо. Мужчина был молодой, высокий, стройный и симпатичный. Впрочем, Полине почему-то казалось, что воспитательнице любой мужчина на спортивной машине с откидным верхом показался бы красавцем.

– А отличительные приметы у него были?

– Приметы? А борода чем тебе не примета? Густая черная борода!

Выходит, что у кавалера Веры была черная борода. И у мужчины, пытавшегося столкнуть под поезд в метро Клавдию, тоже была черная борода. Совпадение? Или что-то

большее?

И Полина задумалась о том, а что она, собственно говоря, знает про отношения Клавдии и Веры? Да, Клавдия является руководителем хора. Вера – солистка. Без Веры хор – это половина хора. И когда Вера закончила училище, Клавдия даже уговорила ее остаться и петь с хором дальше. Это было немножечко против правил, но Клавдия решила тут схитрить, прекрасно понимая, что именно звонкий и чистый голос Веры способен произвести желаемое впечатление на жюри конкурса, принести хору несколько дополнительных баллов и вывести их всех в победители.

Вроде бы Клавдия и Вера – подруги не разлей вода. Но так ли это на самом деле? Случается, что даже между лучшими подругами пробегает кошка.

Но достаточно ли велика была кошка, чтобы Вера упростила своего кавалера столкнуть Клавдию под поезд? Или кавалер решил проявить фантазию и оригинальность? Чего-нибудь не так понял, додумал, домыслил и решил: «Если проблема в Клавдии, то столкну ее в метро на рельсы – и нету проблемы».

А тогда как быть с покушениями на Веру? Ее-то кто пытался убить? Тот же тип с бородой? Понравилось? Или решил, что Вера недостаточно пылко отблагодарила его за помощь?

Нет, так Полина ответа не получит. Надо было искать этого кавалера с черной бородой. Надо было искать катафалк.

Надо было искать пастора Петера. И надо было что-то делать со своими пропущенными учебными часами, потому что хоть Римма Вениаминовна и попросила за Полину у ее преподавателей, двое из них позвонили Полине и высказали той свое недовольство.

Особенно лютовала преподавательница сольфеджио, которая так прямо ученице и заявила:

– Своими личными делами, Полина, нужно заниматься в личное время. А во время учебного процесса извольте присутствовать в классе вместе с остальными! Сегодня мы писали подготовку к завтрашней контрольной. Я скинула вам список вариантов, которые вы должны принести мне в готовом виде к следующему занятию. А следующее занятие, хочу вам напомнить, будет завтра.

Полина глянула в присланные педагогом задания, и ей стало нехорошо. Вариантов было четыре, каждый часа на полтора работы. Если заниматься ими, когда искать пропавшую сестру?

Римма Вениаминовна позвонила как раз в тот момент, когда Полина уже почти уговорила себя, что с ее сестрой все будет в порядке, Вера старше самой Полины, рассудительней, она более зрелый товарищ, родители всегда так говорили. А Полина еще ребенок. У нее ветер в голове. И все вокруг это родительское мнение, в общем-то, поддерживали. Не могут же ошибаться они все? Надо предоставить Веру ей самой.

– Полина, у меня для тебя новости, и на этот раз хорошие. Я нашла эту контору, которая пользуется логотипом с серебряными крестами. Аббревиатура расшифровывается так: «Единое Христианское Общество».

– Какая-то секта?

– Общество официально зарегистрировано. В него входят все христианские концессии, известные на сей день и признанные официальными. Собственно говоря, это некий клуб, куда могут прийти все христиане, вне зависимости от того, к какой церкви они принадлежат. У «объединенцев», так они сами себя называют, одинаково дружелюбно встретят и православных, и католиков, и лютеран, и даже адвентистов-пятидесятников. В налоговой и других инстанциях к этой организации нету никаких претензий. Все налоги и прочие отчисления они платят аккуратно. Я даже в правоохранительные органы звонила, уверяют, что это религиозная организация нового формата ни в чем криминальном до сих пор замечена не была. Жалоб на отъем жилищ у пенсионеров и одиноких граждан не поступало. Хулиганских выходов, мошенничества и вымогательств со стороны ЕХО тоже не зафиксировано.

– А убийства были?

– Ни-ни.

– Но катафалк принадлежит им?

– Я проверила все зарегистрированные на «ЕХО» автомашины. Не так уж трудно это сделать. На сайте ГИБДД есть

вся необходимая информация. Среди их автопарка числится «Опель» черного цвета с характерной символикой – кресты на боках. Я посмотрела в Сети фотографии «Опеля» этой модели, один в один – катафалк!

Римма Вениаминовна была продвинутым пользователем. Она и сама этого не отрицала, и все вокруг подтверждали ее слова. А после того как она умудрилась подключиться к камере наружного наблюдения возле их училища, благодаря чему был пойман воришка, долгое время безнаказанно тыривший смартфоны, а при случае и кошельки у зазевавшихся студенток, авторитет дамы возрос многократно. Сама Римма Вениаминовна не считала себя какой-то особенной и утверждала, что все смогут, если знать, как. Римма получила необходимую информацию от своего племянника, но все дамочки вокруг считали, что лично они даже от родных сыновей ничему такому в жизни бы не научились.

– Значит, катафалк – это совсем не катафалк, а «Опель». И он стоит в гараже у этих объединенцев. И, значит, Вера и Клавдия тоже у них!

– Поедешь к ним?

– Конечно!

– Тогда пиши адрес.

Церковь «объединенцев» находилась по дороге в Стрельну на Петергофском шоссе. Не ближний свет, но Полина была настроена ехать. Звонок Риммы расставил все по своим местам. И Полина решила, что контрольную по сольфеджио

она напишет завтра как-нибудь и без дополнительной подготовки. Учится она достаточно хорошо, на троечку как-нибудь осилит материал. Ну, будет у нее одна тройка или даже еще не одна. Все равно, жизнь сестры гораздо важнее.

Полина умела расставлять в этой жизни приоритеты и гордилась этим.

Глава 4

Молитвенный дом «объединенцев» расположился на пригорке, откуда на всю округу сиял серебряным блеском крест. Он был и не православный, и не католический, больше всего он напоминал голубя, распростершего в стремительном полете вверх свои крылья. Сам дом когда-то был самым обычным, жилым, он почти ничем не отличался от стоящих поблизости домов. Добротный, большой, с широкими оконными проемами и высоким многоступенчатым крыльцом.

Территорию ограждала высокая кованая решетка. А пройти внутрь удалось без всяких предварительных объяснений и переговоров, что сразу же расположило Полину в пользу этих людей. Толкнул калитку и сразу же оказался там, где тебе нужно. Только странно, как же они в наше время и без охраны? Хорошо, сейчас пришла маленькая безобидная Полина. А если бы какие-нибудь головорезы? Да просто воры! Люди несут в церковь пожертвования, значит, логично предположить, что другие люди могут пожелать эти пожертвования присвоить себе.

Но, присмотревшись, Полина обнаружила по углам видеокамеры, которые медленно поворачивались вдоль оси, следя

за передвижениями гостьи.

— А ларчик просто открывался. Не такие уж простачки тут они все.

Полина немного трусила. Она не представляла, как ей начать разговор. Прямо в лоб прийти и спросить, где они держат Веру и Клавдию? А если ей ничего не скажут? Или начнут врать, что девушек тут нету? Или, чего доброго, и саму Полину возьмут в плен?

Внезапно Полина обнаружила, что ее уже встречают. На крыльце стояли юноша и девушка, примерно ровесники Полины. Они приветливо ей улыбались.

— Ты к кому?

Полина сперва растерялась.

— Я... Мне... Меня пригласил пастор Петер!

Все-таки нашлась! Молодец!

— Петера сегодня не было, — произнес юноша, нерешительно взглянув на девушку.

Та подтвердила более решительным голосом:

— Он уехал.

Полину так и подкинуло.

— На катафалке? Ой! То есть я хотела спросить, на «Опеле»?

Парень с девчонкой рассмеялись.

— Не ты первая, кто эту машину так называет. Как окрестили ее изначально катафалком, так и прижилось к ней. Петер часто этой машиной пользуется. Говорит, самый подхо-

дящий для пастора выезд. Позволяет помнить о брэнности всего сущего.

– О чем?

– Что мы все не вечны.

– А где живет пастор?

Ребята пожали плечами.

– Где-то живет.

– Мне очень нужно его найти! – взмолилась Полина. – Помогите!

– Так чего легче? Позвони ему. Есть у тебя номер его телефона?

– Потерялся! – соврала Полина. – Потому и сюда приехала, что дозвониться не сумела.

Номер телефона ей ребята раздобыли. А потом деликатно отошли в сторонку, чтобы не мешать. Девушка, та и вовсе вскоре скрылась внутри дома, а вот юноша остался. Он прохаживался взад и вперед по двору, то и дело поглядывая на Полину. Кажется, она ему понравилась. Вот он и терся возле нее.

– Зайди к нам, согреешься, – предложил он девушке. – Уверяю тебя, никто тебя не укусит.

Почему бы и нет? Погода стояла уже весьма прохладная. Последний месяц осени выдался теплым, почти все время стояли плюсовые температуры. Но все-таки когда на улице пусть и чуть выше нуля, но влажно и дует сильный северный ветер, то ощущения складываются еще те. К тому же осенью

дни коротки, уже смеркалось, и на улице было совсем неуютно.

Полина с благодарностью приняла приглашение, поднялась на высокое крыльцо и оказалась в самом обычном офисном здании. Тут было тепло, светло и чисто. В холле висело распятие, под которым стоял накрытый белоснежной скатертью столик, на котором лежала гостевая книга. Больше ничего не указывало на то, что этот дом является еще и церковью.

– Сегодня будний день, поэтому у нас пустовато, – объяснил ей Евгений. – Но посмотрела бы ты, сколько собирается народу в выходные дни! Особенно на воскресной службе!

– Ты тут работаешь?

– Служу.

– Так ты священник?

– Пока что я помощник. А вот Елена, ты ее уже видела, она – пастор.

Полина покачала головой. Сказанное не укладывалось у нее в голове.

– Девушка – пастор?

– А почему тебя это удивляет?

Полина не знала, что ей сказать. В тех храмах, которые посещала она, женщина к главному таинству, к самой церковной службе, не допускалась. Хотя Полина читала, что раньше, еще в первые века существования христианства, на самой его заре, помогать священнику служить литургию могли некие инессы – невинные девушки, так поняла Полина.

– К тому же муж Елены тоже пастор.

Так пастор еще и замужем. Стало быть, она даже и не девственница! То есть про невинность, непорочность и обет безбрачия тоже можно было забыть. Ну, наверное, для пасторов этой церкви это было и необязательно. Определенно, в этой объединенной церкви все было очень необычно. Но сказать это вслух Полина постеснялась. Ведь ее так хорошо тут приняли. Евгений суетился возле гостьи, как мог. Полину угостили печеньем в виде ракушек. Потом ей дали стакан жидкости красного цвета, по вкусу напоминающую виноградный сок, только очень терпкий и сладкий. У Полины даже слегка закружилась голова. Но Евгений все время был рядом, он усадил Полину в удобное кресло и встал рядом.

– Мне бы надо позвонить Петеру, – напомнила ему Полина.

– О, конечно! Позови меня, когда закончишь разговаривать.

И после этого Евгений предоставил ее самой себе.

Полина почему-то была уверена, что пастор окажется вне зоны доступа или попросту не возьмет трубку, но она ошиблась. Пастор Петер ответил. Голос у него был приятный, и разговаривал он вежливо. Представился. Спросил, с кем имеет честь разговаривать. В голосе слышался легкий акцент, и почему-то это возмутило Полину до крайней степени.

– Где Вера, негодяй? Куда вы ее дели?

– О ком вы спрашиваете? Я не делал никому зла.

– Не притворяйтесь, – злобно прошипела Полина в трубку. – Я все знаю! Это вы увезли их обеих! И Клавдию. И Веру! На своем катафалке! Я в полицию пойду. Все им про вас выложу! Где девушки?

– А вы кто? Случайно, не Полина?

– Ну, допустим.

– Сестра о вас тревожилась. Как вы?

– Я-то в порядке! А вот у вас будут проблемы. Похищение людей – это вам не шуточки. Я в полицию пойду!

– В полицию идти не надо, – стал серьезным пастор. – Девушкам угрожает опасность.

– Да! От вас!

– Не от меня, а от другого человека. Я помог Клавдии и Вере скрыться от него. Увез их и спрятал в безопасном месте. Туда этот тип за ними не проберется.

– А кто он такой?

– Я пока не могу вам его назвать. Но я его почти нашел. Сегодня я его схвачу. Может быть, уже через час он будет у меня в руках. Максимум, через два. В любом случае, я вам об этом сообщу.

– Вы что, один поедете на его задержание?

– Он тоже один, – успокоил ее пастор.

– Вам нужна поддержка!

– Вы имеете в виду полицию? Нет, спасибо. Полиция же может его спугнуть, поэтому я вас и прошу никуда не ходить,

а особенно в полицию. Там работают такие дуболомы, которые больше дров наломают, чем принесут пользы.

Полина немножко помолчала и буркнула:

– Я хочу поговорить со своей сестрой.

Вроде бы голос пастора внушал ей доверие, но кто его знает... Лучше было перестраховаться.

Но пастор разочаровал девушку:

– Увы, сейчас это невозможно.

– Ага! – торжествующе произнесла Полина. – Так я и знала, что вы их похитили и удерживаете у себя силой! Учтите, я уже добралась до вашей объединенной церкви. Я сейчас тут. И если вы не вернете мою сестру, я вас тут так ослаблю, мало вам не покажется! Верните Веру! Похититель!

– Никого я не похищал, – запротестовал пастор. – Что вы! А с вашей сестрой я не могу вам дать пообщаться, поскольку я сам сейчас не рядом с ней. Если хотите, она вам перезвонит.

Вот так все будет легко и просто? Полина несколько опешила и сбавила тон.

– Да, пожалуйста, – пробормотала она. – Пусть она мне позвонит. Я и правда очень тревожусь за Веру.

– Ждите.

Пастор не простился. И, вообще, Полине показалось, что он на нее немного обиделся. Если он и впрямь делает доброе дело, помогает Клавдии и Вере скрыться от таинственного злодея, покушавшегося на их жизни, то нападки Поли-

ны должны были показаться пастору обидными.

– Ладно, – пыталась успокоить себя Полина, – еще неизвестно, правду ли он мне сказал. Вера-то не звонит!

Но Вера позвонила. И была сердита.

– Ты чего затеяла? – спросила сестра у Полины. – Зачем ты меня всюду ищешь?

– Интересное кино! С работы звонят, ты там не появляешься. Клавдию ее студентки тоже потеряли. Что происходит? Куда вы обе делись?

– Никуда! Не твое дело! Занимайся своими делами. Через пару дней все разрешится, и я вернусь.

– А этот Петер? Он кто?

– Он нам с Клавдией помогает.

– Вы там уверены, что ему можно доверять?

– Что за наезды на Петера? – возмутилась Вера. – Поверь, он прекрасный человек!

– Он и есть твой Учитель?

– Что за глупости? – засмеялась сестра. – Нет, конечно!

– А кто тогда Учитель?

– Не твое дело!

– А с Клавдией ты своего Учителя уже знакомила?

– Полина, отстань со своими глупостями.

– Ответь мне! Знакомила или нет?

– Нет.

– А фотографию его ей показывала?

– Нет! Достаточно?

– Последний вопрос. А борода у твоего Учителя есть? Ответь, и я отстану.

– Да! Есть у него борода!

– Черная?

– Да! Теперь все?

– Как я могу найти твоего Учителя? Может, это он напал на вас с Клавдией! Это нужно проверить!

Но у Веры было уже другое на уме.

– Слушай, а ты сейчас вообще где? – спросила она изменившимся тоном.

Теперь в голосе сестры слышались и тревога, и волнение.

– Где-где! У «обновленцев»! Как, по-твоему, я могла еще раздобыть телефон пастора, чтобы он позвонил тебе, а ты мне. Иначе ведь мне до тебя было не дозвониться.

В общем-то, Полина даже успокоилась. Голос сестры звучал привычно сварливо и недовольно. Находилась Вера в смертельной опасности, небось не так бы разговаривала с единственной ниточкой к спасению. Но, может, сестра просто не догадывается, что она в опасности.

– Полина, – неожиданно ласково попросила сестра, – будь так добра, останься пока в храме у пастора. Люди там хорошие. Они тебя примут, обогреют, развлекут. А домой ты пока что не езд.

– Что значит не езд? У меня, между прочим, полно домашнего задания. Если с тобой все в порядке, я должна уроками заняться.

– Нет, домой ты пока не езд.

Полина снова заволновалась. Чтобы Вера запрещала ей делать уроки?

– Почему мне нельзя домой?

– Послушай, я твоя старшая сестра, и ты должна меня слушаться!

Вера вновь начала раздражаться. И Полина почувствовала, как где-то глубоко, в животе или даже еще глубже, зарождается ответная волна негатива.

– А если я не захочу? Что тогда? Ты-то не больно меня слушаешься.

– Полина, я тебе приказываю!

Очевидно, на этом возгласе терпению Веры пришел конец, потому что в трубке прозвучал сигнал отбоя. Почти сразу позвонил пастор. Голос его вновь звучал ровно и приветливо.

– Ну что? – ласково спросил он у Полины. – Успокоились?

Нет, Полина не успокоилась. Наоборот, после разговора с сестрой ей стало только хуже. За несколько секунд Полина успела проанализировать сказанное сестрой и теперь понимала, что говорили они с Верой совсем не о том. Она хороша! Нашла тоже время, чтобы цапаться с Верой! Надо было выстроить диалог более конструктивно. И Полина горько корила себя.

Как же она могла забыть про этого подозрительного типа – Учителя. И оказывается, у него есть борода. И Клавдия с ним

не знакома и никогда его не видела. Значит, она и узнать его не сможет. И когда ей показали его на видеозаписи из метро, Клавдия этого человека не узнала, потому что Вера никогда не знакомила своего обожаемого Учителя с Клавдией.

– Что же мне делать?

Полина судорожно пыталась припомнить все, что Вера когда-либо рассказывала про своего Учителя. Поначалу, пока Полина не выразила своего резко негативного к нему отношения, Вера рассказывала про этого человека много и охотно. Правда, рассказы ее не носили никакой конкретики. Она рассказывала, какой Учитель умный, замечательный, талантливый, одаренный. Но какими именно талантами он так щедро одарен, не говорила. И где Учитель проявляет свой замечательный ум, тоже осталось за кадром.

– Как же мне его найти?

Полине хотелось убедиться в том, что Учитель – это не тот человек, который покушался на жизнь Веры и Клавдии. Хотя, с другой стороны, зачем Учителю понадобилась жизнь Веры? Сестра его обожает, готова служить ему во всем, покорна его власти, слушается. Зачем же убивать такую ценную рабыню?

– Может, Вера его достала? Таскалась всюду за ним. Приставала. На работу она не ходила, а из дома убегала. Куда таскалась? Вывод очевиден: к своему любимому Учителю. Надоело тому Веру рядом с собой терпеть, вот он и решил от нее избавиться.

Но тут же Полина напонила самой себе, что Учитель возник в жизни Веры раньше, чем на нее стали совершаться покушения. И что покушения начались до того, как Вера стала проводить все свое свободное время рядом с Учителем. Именно из-за покушений Вера и вынуждена была прекратить посещать работу и занятия в хоре. А потому версия Полины о том, что это Учитель мечтает избавиться от настырной Веры, а заодно и от Клавдии, оказалась несостоятельной.

И все-таки Полина не могла избавиться от мысли, что Учитель каким-то образом связан с покушениями. Может быть, его фигура внушала Полине такие сильные подозрения, потому что она ровным счетом ничего про него не знала? А что мешает Полине поехать домой и хорошенько поискать ответ на свой вопрос в вещах у сестры? Если до сих пор Полина этого не сделала, потому что ей мешали врожденная порядочность и привитые родителями хорошие манеры, то сейчас обстоятельства изменились.

– Чрезвычайная ситуация требует чрезвычайных мер.

К этому времени за окнами уже совсем стемнело. Ветер еще больше усилился. И Полина с тоской представляла себе, как будет добираться домой через весь город. Правда, Вера не велела ей ехать домой, но это какая-то явная глупость. Куда же Полине ехать на ночь глядя, если не домой? Завтра надо в училище, писать контрольную, к которой еще никто не подготовился. Вере-то хорошо, засела где-то и носа наружу не кажет. А Полине что, прикажете у чужих людей по уг-

лам мыкаться?

– И все-таки как не хочется никуда двигаться!

Сначала ей придется топать до остановки автобуса, потом ждать его, трястись не меньше полчаса до ближайшей станции метро. Но ближайшая она к Стрельне, а на самом деле на самой ветке станция конечная. И находится на противоположном конце города от дома Полины. Значит, Полине предстоит еще и на метро пилить от края и до края. Да с двумя пересадками. И потом еще топать до дома две остановки, которые преодолеть в хорошую погоду и со свежими силами – сущее удовольствие, но сейчас такая прогулка станет кошмаром. Конечно, можно будет сесть на маршрутку, но ту еще подождешь, а когда и придет, то придется брать ее штурмом, потому что рабочий день заканчивается, и народ рвется домой к своим диванам и телевизорам.

И так Полине стало тоскливо от всей этой перспективы, что прямо жить расхотелось. Двигаться, во всяком случае, точно не хотелось. Тут в кресле было так тепло и уютно сидеть, прямо не хотелось никуда уходить.

Но тут с вопросительным видом рядом с девушкой появился Евгений.

– Все наши разошлись. Ты сама-то готова ехать?

– Прости, – встрепелась Полина. – Я уже уйду. Не подскажешь, в обратную сторону где находится остановка?

– А зачем тебе остановка? Я тоже возвращаюсь домой. Я тебя подвезу.

– Правда?

Полина искренне обрадовалась. Хотя бы часть пути она проделает быстро и с комфортом. А на метро прокатиться, это ей только за удовольствие. И пересадки – это тоже не проблема, на пересадочных узлах часто играют и поют музыканты, с некоторыми из них Полина была даже знакома. К тому же Полина не забывала про свое расследование. И, садясь в машину к Евгению, попыталась у него выведать про красную спортивную машину с откидным верхом.

– Нет, у нас в приходе ни у кого такой машины быть не может. Зазорно ездить на такой дорогой тачке, когда всюду столько бедности и нищеты.

– Это где? – удивилась Полина. – У нас?

– Во всем мире.

Если во всем мире, то Полина была согласна. В Африке, к примеру, люди очень бедно живут. И воды питьевой у них нету, и детки заморенные, и с эпидемиями беда.

Но сама Полина к нищим относилась с осторожностью после того, как несколько раз подкармливала работающего у них в училище дворника Салмата. Был он узбек, и совершенно скудно одетый, он казался Полине воплощением бедности. Но когда тот показал ей фотографии своей семьи, то Полина свое мнение изменила. За спинами многочисленных тетушек, бабушек, братьев и детей Полина разглядела огромный дом, а за ним виднелись фруктовые сады, до самого горизонта засаженные черешней, персиком и виногра-

дом и также принадлежащие семье Салмата. Так что был еще большой вопрос, кто из них двоих был бедным. Кажется, никто. Но где-то бедность и впрямь процветала. И Полина была согласна, что негоже покупать себе дорогие обновки, если где-то по мусорным отвалам лазают босые дети, выбирая себе крохи на обед.

По дороге выяснилось, что Евгений еще и живет в той же части города, что и Полина.

– Тогда я тебя до твоей станции метро подвезу. Или даже до дома. Чего уж там! Сто километров для бешеной собаки – не крюк. Ты согласна?

Полина была целиком и полностью только «за» и согласна. На улице совсем стемнело, похолодало, даже высунуть нос из теплого салона машины было страшновато. Так они и доехали. Слушали музыку. Болтали. И очень славно провели время. Хорошенько познакомились, можно сказать, даже подружились. Евгений оказался милым и воспитанным. Ему явно нравилась Полина. И он не меньше пяти раз пригласил ее к ним в воскресенье на службу.

– Будет очень красиво. У нас очень хороший объединенный из певчих нескольких церквей хор.

Хор! Этими словами Евгений больно задел Полину за живое. Девушка тут же помрачнела. С момента разговора с пастором Петером прошло уже больше двух часов. Он обещал ей позвонить, как только что-нибудь прояснится. Но раз не позвонил, значит, преступник так и не был пойман.

– Если ты сама хоть немного разбираешься в нотах, тоже можешь прийти на прослушивание. Я договорюсь. Мы всегда рады новым свежим голосам.

– Петь в вашем хоре? Свежим голосом?

Полина задумалась. Было в этих словах что-то цепляющее. Но что? Петь в хоре. Свежий голос. У них в училище в хоре уже много лет подряд пели одни и те же голоса. Как-то так сложилось, что почти весь хор состоял из девочек, студенток последнего года обучения. В прошлом году в хоре пели еще несколько девочек с других курсов, преимущественно старших, в их числе была и Вера. А теперь в хоре остались лишь те, кто сейчас учился на последнем курсе. А новых голосов не появилось. Вера, например, этому удивлялась и даже огорчалась.

– Я не понимаю, почему девочки-первокурсницы не приходят к нам петь. На прослушивание приходят, успешно его преодолевают, но на первую репетицию не являются. Когда у них спрашиваешь, отвечают, что передумали. И убегают. Даже поговорить не хотят, не позволяют себя переубедить, словно боятся, что мы станем убеждать их пойти в наш хор. И это странно, потому что на прослушивании они однозначно хотели, чтобы их взяли. А потом вдруг все меняют свое мнение. И ладно бы одна-две! Так ведь нет же, все! Хором!

И сейчас Полина подумала, что надо бы ей расспросить тех претенденток, которые внезапно и резко изменили свои желания. Саму Полину петь в хоре не приглашали, да она и

не рвалась. Вера же сказала, что ее одной будет достаточно, двух сестер другие девочки могут и не выдержать, потому что конкуренция за главные партии в хоре была жесткая, на всех их не хватало, а Клавдия упорно отдавала все сольные номера одной Вере. Упрекнуть ее за это было нельзя, голос у Веры и впрямь был чудесный. Высокий, чистый, когда она пела, казалось, что звук поднимается к самым небесам.

У других девочек таких выдающихся вокальных данных не было. Тем не менее все они тоже претендовали на выступление соло. Быть на подпевках никто не хотел. Всех в хоре охватила какая-то непонятная мания величия. И это положение чрезвычайно тревожило Веру на протяжении уже нескольких лет. Особенно остро вопрос поднялся после того, как Вера училище закончила, но из хора так и не ушла. А значит, не освободилось и вакантное местечко солистки. Вера по-прежнему собиралась выходить впереди всех на сцену, и овации хотела собирать тоже она.

– Вот ты и дома!

Полина очнулась от своих мыслей и взглянула на улицу. Знакомый двор. Знакомые стены. А вот и окна их квартиры.

– Ой! – спохватилась девушка. – А почему у нас свет горит?

– Где?

– У нас в квартире в окнах горит свет.

– Может, ты забыла выключить перед уходом?

Полина покачала головой. Чтобы она забыла выключить

свет, такое было маловероятно. Хотя бы и убегала она в большой спешке, но выключен ли газ, вода и свет – это она проверяла на автомате. Точно так же, как смотрела, не оставлен ли включенным утюг. Единственный свет оставался в комнате с фиалками, там фитолампы горели по двенадцать часов в день. Но окна бабушкиной комнаты выходили на другую, северную сторону дома. А сейчас свет горел в окнах бывшей комнаты родителей, которую после их отъезда заняла Полина.

– А в своей комнате я свет даже не включала сегодня. Как встала, сразу на кухню пошла.

– Может, твоя сестра вернулась?

Это предположение Полину обрадовало.

– Вот было бы хорошо! Ну, я побегу!

Но когда она вышла из машины, то обнаружила, что Женя стоит рядом с ней.

– Ты чего?

– С тобой пойду.

– Проводить меня не нужно, – замялась Полина.

– Это уж ты позволь мне решать, что нужно, а что не нужно, – мягко, но непреклонно заявил в ответ юноша. – Если там вернулась твоя сестра – это хорошо, поздороваюсь, откланяюсь и уйду. А если там кто-то другой?

– Кто? Родители? Они бы сообщили о своем прилете.

– Поправь меня, но ты говорила, что на твою сестру уже были покушения?

– Да.

– И преступник до сих пор не изобличен и не схвачен?

– Ну... да.

– Значит, он может поджидать твою сестру в вашей квартире?

С этим было трудно спорить. Хотя Полина и считала, что со стороны злодея очень глупо включать всюду иллюминацию, оповещая о своем прибытии, она все же с предложением Жени согласилась.

– Хорошо. Поднимись.

Вдвоем они загрузились в лифт. Вдвоем поднялись на нем. Вдвоем подошли к двери. Но тут Полину охватило какое-то странное чувство. Ей было страшно войти в собственный дом. Полина переминалась перед дверью, которую знала до последней трещинки, и не могла заставить себя дотронуться до дверной ручки.

Глава 5

Женя держался лучше. В ответ на умоляющий взгляд Полины он шагнул вперед. Дотронулся до двери, и та открылась.

– Оп-ля! – произнес Женя. – Ты чего дверь-то не закрываешь?

– Я закрывала.

– Да? – с сомнением произнес юноша. – Ну ладно... Побудь пока тут.

Но какое тут! Едва Женя скрылся за дверью квартиры, как Полине стало страшно уже и тут. Лестничная клетка стала вдруг выглядеть пугающей. А когда на площадке сверху раздался какой-то шорох и покашливание, Полина буквально ринулась вслед за своим другом.

– Я с тобой! Не оставлю тебя одного.

Женя благодарно взглянул на нее.

А потом шепотом произнес:

– Мне кажется, ЭТО в той дальней комнате!

– Что «это»?

– Не знаю. Но следы ведут оттуда.

– Следы? Какие еще следы?

Вместо ответа Женя кивнул головой на пол в прихожей, где и впрямь отчетливо были видны чьи-то следы. Кто-то в очень грязной обуви протопал из дальней комнаты через весь коридор прямо к выходу.

– Причем заметить, следы ведут только в обратном направлении.

Полина и сама обратила внимание на эту странность. Если неизвестный принес грязь с улицы, то наиболее четкими должны были быть отпечатки на пути туда. А их не было вовсе.

– Этот человек залез в ту комнату через окно, – сделал предположение Женя. – А через дверь он вышел.

– Исключено, – прошептала Полина. – Слишком высоко.

Но Женя заявил, что среди воров встречаются такие эквилибристы, что для них «высоко» – такого понятия вовсе не существует. Это было справедливо. Но что вору понадобилось в той дальней комнате?

– Раньше там жила бабушка, а теперь стоят ее фиалки. Ничего ценного там нету. Красть нечего.

– Пойдем, взглянем.

На цыпочках, словно опасаясь, что вор еще не покинул квартиру, они прошли к дальней комнате. Женя шел первым. И, открыв дверь, он первым же и охнул.

– Лучше не смотри, – предупредил он Полину.

Но девушка не послушалась, взглянула и... немедленно об этом пожалела.

– Наши фиалки! – простонала она. – Какой ужас!

Теперь было ясно, почему следы в коридоре вели лишь в обратном направлении и почему они были так густо облеплены грязью. В комнату злодей прошел в сравнительно чистой обуви, а вот обратно...

– Он же тут все уничтожил! Все-все!

Безукоризненно ровных рядов стеллажей с весело зеленеющими и цветущими фиалочками больше не было видно. Вместо этого на полу была груда обломков. Распластанные на полу фиалочки выпали из своих горшочков, земля рассыпалась, поливочная вода разлилась. И среди этого густого черного месива печально гибли на полу многочисленные бабушкины коллекционные фиалки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.